

Есть только один человек, которого я бы хотел переделать, и дай Бог, чтоб получилось – это я сам, а над другими у меня нет власти

Серго Наморадзе, пастор церкви Адвентистов седьмого дня, доктор богословия, преподаватель Украинского адвентистского теологического института (УАТИ), преподаватель университета им. Джона Эндрюса.

Какие предметы Вы преподаете в Украинском теологическом институте?

На бакалавриате преподаю «Введение в миссиологию», «Богословие миссии», «Рост церкви», «Богослужение и обряды» и другие предметы по практическому богословию.

На магистратуре преподавание осуществляется по Эндрюсовским стандартам – там также я беру к освещению целый ряд предметов.

Один из моих любимых предметов – это «Стратегия миссии и Евангелие в различных контекстах».

«Стратегия миссии» преподается только студентам на курсе магистратуры?

Стратегия миссии – это, наверное, один из наиболее сложных предметов. Он весьма информативный. Но преподавать его необходимо сжато, а это вносит много сложностей, то есть целый спектр дискуссионных вопросов, неоднозначных концепций, которые иногда приходится разбирать детально. На этом предмете возникает много дискуссий, – поэтому он очень интересный.

Неужели студентов богословского факультета необходимо учить

миссии? Разве для этого нужно несколько предметов? Насколько мне известно, миссия Церкви изложена в конкретном небольшом абзаце...

Вся суть Церкви вообще заключается в миссии. Более того, «миссия» – это не один из отделов Церкви, а как бы «зонтик», под который и была создана Церковь.

Одним из первых вопросов, который я обычно задаю студентам на предмете «Введения в миссиологию» есть следующий: «Как вы считаете, миссия есть у Церкви или у миссии есть Церковь?»

Вопрос несложный, но он вызывает массу вопросов и множество дебатов.

По большому счету, у Бога была миссия. И под Свою миссию Бог создал Церковь. А всей проблемой народа Божьего в исторической перспективе есть то, что они множество раз теряли видение данной миссии.

У народа Господня формировались разные мысли относительно миссии. Менялось определение и всё, что с миссией связано: ее цели, мандат миссии, личности, ожидания, само понятие «что есть миссия», из чего миссия состоит, что не является миссией и так далее.

Полагаю, что те, которые хотя бы раз были на любом из предметов по миссиологии, знают, какие дискуссионные вопросы вызывает каждая из этих тем.

Вы преподаете в различных странах, – поэтому насколько же отличается стратегия миссии в зависимости от культуры и национальности студентов? Претерпевает ли Ваш предмет изменение в зависимости от этих факторов?

Предмет особо не меняю, но, конечно, в различных контекстах могут быть разные примеры. Потому что и спасение человека из колодца, отличается от его «спасения», если от страха забрался на дерево.

Это пример из короткометражного фильма, когда один человек пытается веревкой сдернуть с дерева другого, потому что именно этот инструмент он использовал, когда доставал упавшего в колодец. К сожалению, он так и не понял, почему в первом случае получился такой печальный исход.

Стратегия преподавания отличается, а суть предмета – нет.

Важно понять, что суть не менялась веками, а методы и подходы всегда отличались.

К сожалению, не разобравшись в том, чем является метод, можно допустить роковую ошибку: подменить суть и держаться за метод, что нередко и случается. Методы меняются в зависимости от контекста, времени, людей, конкретной аудитории и так далее. А суть – то бишь Истина – не меняется никогда.

△ Module cannot be rendered as the requested content is not (longer) accessible. Contact the administrator to get access.

Планируете ли расширить тему миссиологии на бакалавриате? Например, освещать этот вопрос с тех сторон, с которых он не затрагивался, добавить больше предметов

Планирование подобного рода не входит в мою компетенцию. Расписанием занимается деканат.

В УТИ, как и в других учебных заведениях, существуют свои стандарты и я не могу самостоятельно добавлять или расширять учебные дисциплины.

Что касается моей инициативы в отношении преподавания, то когда я приехал в Бучу, многие из моих предметов еще не преподавались ранее. Тогда мы вместе с администрацией поработали: они спрашивали, какие предметы я могу предложить, что-то предлагали мне из уже существующего расписания... Таким образом сложились предметы. Если в будущем появятся другие предложения или возможности расписания, то я готов добавлять необходимые дисциплины.

На самом деле, я много чего могу предложить, в плане пусть даже не конкретных предметов, а областей для изучения.

Например, культурная антропология. Ведь миссиология вобрала в себя фрагменты различных наук. Это, образно говоря, «тортик», состоящий из разных слоев: социология, богословие, культурная антропология и так далее. И вот, когда мы, к примеру, изучаем контекстуализацию в рамках предмета «Стратегия миссии», то как можно говорить о Евангелии в различных культурах, если не знать прежде, что такое культура? Поэтому культурная антропология интересна нам с христианской и миссионерской точек зрения.

Также можно было бы предложить для студентов бакалавриата упрощенный курс «Стратегии миссии», который проходят на курсе магистратуры. В частности, – «Историю христианской миссии»: как это все происходило раньше и каким образом мы пришли в наше сегодня. Кто был этими миссионерами, как воспринималось миссионерство в различные века, как появилась протестантская миссия, кто придумал подходы, методы, кем были известные миссионеры, находящие для Христа учеников в Индии, Китае и благодаря которым мы сегодня имеем христианство на этих территориях?

Поэтому, миссиология на самом деле весьма интересная наука, и если кто-то пожелает к ней прикоснуться хотя бы немного, то затем он нырнет в нее с головой.

Один из предметов, который, я думаю, в будущем обязательно необходимо представить, начиная с уровня бакалавриата – это качественные «Исследования». Это тоже очень большая область, и в ней есть различные традиции исследования.

Познакомить бы с этим студентов и предложить им попробовать самим сделать некоторые шаги в качественном исследовании... Это очень интересно и трудоемко, там есть множество заданий и над этим необходимо серьезно работать и быть мотивированным.

Непонятно в чем состоит суть качественного исследования, как

предмета. Расскажите об этом подробнее

Например, есть количественное исследование, которое отвечает на вопрос: «Сколько или какие тренды существуют?»

Это когда вам приносят анкету и говорят: «Необходимо опросить столько-то респондентов». В этом случае у вас уже есть варианты ответов, которые необходимо выделить в анкете по ходу опроса человека: согласен, не знаю, больше не согласен, чем согласен, категорически не согласен. Затем социолог обрабатывает полученные данные, вводя их в компьютер. Компьютер, исходя из определенных алгоритмов, вычисляет и дает результат.

Например, существует утверждение: «В данном учебном заведении мальчики настроены на восприятие информации лучше, нежели девочки».

При этом компьютер делает корреляцию с полученными материалами и отвечает на вопрос: правильно ли это утверждение или нет? Это количественные исследования.

Качественные исследования не охватывают массы людей, а отвечают на вопрос: «Почему? Почему именно так?»

Например, один из вопросов, по которому я начал делать наработки и собирать информацию – это феномен ухода из церкви пасторов. То бишь человек стоял за кафедрой, учил других, а через месяц, к примеру, он даже в церковь не ходит. Почему?

В этом случае вы не можете ограничиться исключительно количественным исследованием, определив, что «за последние пять лет со служения ушло пятьдесят служителей, из которых пять – преткнулись на седьмой заповеди, десять – из материальных соображений, и еще пять – в связи с оккультными вопросами...» Вот вам и статистика.

А если копнуть глубже – интересно ведь, почему? Что происходит внутри души? Вот такое исследование является качественным.

Исследователь или целая команда, как правило, берут интервью или проводят фокус-группы. Существует методология, на основании которой эти интервью анализируются и выдаются результаты анализа и интерпретация. Это то, чем я занимался в своей диссертации.

Очень интересно! Хотелось бы поговорить о Вашей научной деятельности, но для начала, – какое у Вас образование и где Вы его получали?

Наверное, сконцентрируюсь на своем богословском образовании и не стану распространяться о музыкальном...

По первой профессии я музыкант, но поскольку мы говорим о богословии, то бакалавриат заканчивал в Заокской духовной академии на очном отделении. Четыре года обучения дают там очень крепкий фундамент. По крайней мере, в моем случае это было так.

Магистерское образование получал в Эндрюсе.

Второе мое магистерское образование принадлежит Тбилисскому государственному университету и это была философия.

Докторантуру я окончил в учебном заведении Генеральной конференции – Адвентистском университете на Филиппинах.

Какова тема Вашей диссертации?

Над диссертацией работал около четырех лет. Непростое было исследование. Хотелось, чтобы результатом можно было гордиться в хорошем смысле этого слова. Для этого пришлось многим пожертвовать. Исследователь, который пишет диссертацию, это «родитель», отдающий часть своей жизни, энергии, средств и многого другого своему «ребенку» – исследованию.

Моя диссертация о теории роста адвентистской Церкви в Грузии.

Сконцентрировался я даже не столько на причинах роста Церкви, сколько на причинах ее развития. От того, что это было первое

исследование на эту тему, мне не на что было опереться. Пришлось создавать материалы и на них же опираться. Это была огромная работа по сбору и систематизации материалов.

Например, одна из глав диссертации относится к истории адвентистской Церкви в Грузии: как она появилась, как развивалась, что происходило. Я сам был глубоко удивлен и поражен открывающимся фактам. Были даже люди, о которых мы и не знали.

Например, когда ми с моим другом из Грузии поступили в Заокскую академию, то согласно тогдашнему рабочему курсу, студент уже считался служителем. Нам сказали, что мы – первые грузинские служители. Это было в 1994-м году. Мы были рады; я думал, что являюсь первым грузинским служителем до тех пор, пока не начал писать диссертацию и не обнаружил, что сто лет назад в Грузии были адвентистские служители, о которых никто даже не слышал и никто особенно не знает. Как и того факта, что после их служения церковь на этой территории достаточно динамично развивалась.

Эти фрагменты истории не были задокументированы.

Одним из вкладов своей диссертации считаю задокументированную историю со ссылками на все имеющиеся источники. И если в будущем Господь позволит заняться архивными исследованиями, то можно и книгу написать. И это только одна из глав диссертации.

В остальных говорится о росте Церкви, существующих сложностях, барьерах. Такое вот, исследование о том, как грузины приходят к Богу и что им мешает на этом пути.

В итоге я пришел к очень неожиданной для меня модели, которую позже назвали «Теория роста Церкви». Изначально она называлась не так. Но диссертационная комиссия и мои рецензенты пришли к выводу, что это все-таки теория с моделью. И все это опирается на качественные исследования с небольшими элементами количественных данных.

Итак, Вы изучали рост Церкви в Грузии и вывели определенную модель. Каково практическое применение Вашей диссертации и применима ли та же модель, например, в Украине?

Насколько эта модель применима для вас, – решать вам. Я как исследователь, не имею права делать обобщения, – а это одно из главных правил качественного исследования. Потому говорю о конкретном кейсе – по Грузии. Но так как исследование не относится к количественным, то обобщать я не имею право.

Если бы, прочитав диссертацию, читатель сделал заключение, что ситуации очень схожи, и что ему это подходит, – тогда он вправе, как читатель, делать обобщения. Таково правило. Исследователь не имеет права делать обобщения, а читатель – имеет.

Можно ли прочитать Вашу диссертацию?

Да, но электронную версию я не рассылаю, поскольку четыре из девяти глав содержат закрытую информацию. Слишком много в них «кухни» – внутрицерковных деталей. Описание того, что мешает росту; факторы, которые абсолютно честно и открыто названы в диссертации. Поэтому после беседы с диссертационной комиссией, по моей инициативе, мы закрыли для общего доступа четыре главы. Я могу прислать какие-то фрагменты диссертации или, если целиком, то только в печатном виде. Если вы обратитесь в свою библиотеку и они сделают соответствующий запрос, то я готов предоставить ее в печатном виде. Но имейте в виду: диссертация писалась на английском.

Возвратимся к вопросу практического применения Вашей диссертации. Какова ее ценность для меня, как среднестатистического пастора Церкви, с учетом того, что часть информации закрыта?

У любой диссертации существует перечень рекомендаций. Не исключение и моя, – в диссертации содержится целый ряд рекомендаций для всех уровней организации. Есть рекомендации для пастырей. Если рекомендации будут учтены, то пастыри

увидят, какой наступит прорыв.

Я же, со своей стороны, практическое применение и ценность обозначил.

Объясню на примере. Врач может поставить вам диагноз и выписать лекарство. Но если вы не будете принимать назначение, то вовсе не потому, что рецепт врача не годится. Просто решение зависит от вас.

Ваша научная деятельность не прекращается и сейчас. Над чем Вы работаете?

Совсем недавно я делал доклад на межконфессиональном научном форуме в Тбилиси, который проходил в президентской библиотеке. Доклад был представлен на грузинском языке и говорил я об обратной стороне религии. Доклад назывался так: «Каин как архетип религиозного гонения».

Он о том, как людей гонят, убивают и преследуют во имя религии. Доклад напечатан на грузинском языке.

Мне интересна тема культурной антропологии; вопросы лингвистики, которые тоже относятся к культурной антропологии. Дело в том, что структура языка отражает менталитет его носителя. Вернее, даже не менталитет, – это было бы слишком просто, – а мировоззрение. Мировоззренческие и культурные моменты выражены в структуре языка.

И мне интересно исследовать некоторые элементы языка.

Допустим, от чего людям бывает смешно? Юмор отражает культуру. Допустим, покажите вы «Камеру смеха» в Грузии – людям будет не смешно. А если мы покажем наших наилучших комедиантов вам – возможно, вам тоже будет не смешно. Потому что, как правило, юмор – он контекстный. Кроме того, – мировоззренческие вещи и структура мышления играют ключевую роль.

В лингвистике и в юморе много культуры. Лингвистика – это и есть культура. Например, в грузинском языке есть слова,

обозначающие понятия, которых нет в русском и украинском языках, и наоборот. Это касается оборотов речи и того, как устроены части речи.

Например, в иврите есть «биньян» – глагола. В каком еще языке есть такая особенность? Вот почему лингвистика для весьма очень интересная сфера.

И, конечно, все, что связано с миссией.

Есть ли какие-либо «революционные» открытия в области миссиологии?

Если бы такие открытия существовали, то уже кому-то, как минимум, дали бы Нобелевскую премию.

Для меня лично, – хоть и не революционным, – но эволюционным является открытие того факта, что многие, которым я преподаю, имеют не полное понимание самого определения, что такое миссия.

Поэтому считаю своим долгом и обязанностью, путем дискуссии расширять эти горизонты понимания.

На уроках мы много дискутируем относительно вопросов миссии.

В последнее время одно из революционных открытий сделал Институт Роста Церкви ЕРО (Естественного роста общины) во главе с Кристианом Шварцем. Они очень много чего уже открыли и необходимо знать, чем они занимаются и как именно делают то, что делают.

Например, те открытия, которые совершило Лозаннское движение. Что такое партнерское миссионерство, парацеркви, – чем они занимаются и что такое параллельные структуры. Все это то, чем сегодня занимается христианский мир.

Вы сейчас подняли вопросы, с которыми я не знаком...

Эти понятия для вас новы потому, что сама по себе эта наука

тоже новая. Дисциплины этой науки пока не настолько широко представлены в наших учебных заведениях. Студенты о многом даже не слышали. Так часто бывает: я на лекциях упоминаю: «Что такое спектр С?», а люди не знают. Слово «контекстуализация» слышали, а какие ее виды есть – уже нет.

Допустим, о чем спорят разные школы контекстуализации? Студенты такого даже не слышали, а мы от них почему-то ожидаем, чтобы они стали новаторами на миссионерском поле.

Поэтому правильный ответ на вопрос: «Следует ли преподавать миссиологию?» – да, следует!

Как научная деятельность влияет на Вашу первоочередную задачу – быть пастором и служителем церкви?

Неоднозначно. Как то я высказал мысль, что если бы у меня была возможность прожить жизнь заново, то в ней не было бы места музыкальному образованию. Да, да, я бы сделал все, чтобы не становиться музыкантом. Знаете – почему?

Не знаю

Потому что, имея профессиональное музыкальное образование, ты уже не можешь наслаждаться музыкой, которой наслаждаются большинство других вокруг тебя. Они пришли на любой концерт, сели – и наслаждаются. Как бы исполнитель не пел, а им нравится. Или – включили музыку в машине, – особенно, если это маршрутка, – какой-то «музон», потому что даже музыкой это сложно назвать! – и наслаждаются. А я мучаюсь. И мне так это надоело, – мучиться и каждый раз ежиться от этого внутри себя!

Пришел в церковь довольный и радостный! Поют псалмы под расстроенное фортепиано – и мне уже от этого плохо. Потому, что фортепиано должно быть настроено!

Я могу наслаждаться только качественным исполнением. Это мучительно.

Думаю, притча понятна...

Знаете, не все зависит даже от решения совета. Вот существует система, существуют какие-то схемы, и идти им наперекор, порою невозможно. Поэтому приходится как на том «концерте»: сидеть, ежиться и терпеть.

Многое ведь зависит от самих людей, и их не переделаешь.

Никого переделывать не надо, и тем более, я не собираюсь. Есть только один человек, которого я бы хотел переделать, и дай Бог, чтоб получилось – это я сам. Над другими у меня нет власти.

Для этого существуют учебные заведения: чтобы взрастить поколения с более широким пониманием миссии. Но на это необходимо время.

Вопросы – Иван Коршунов, бакалаврант богословия